

На правах рукописи

СТРУНКИНА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

**КОНЦЕПЦИИ ПУБЛИЧНОСТИ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ
РЕЛИГИОВЕДЕНИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ТРАКТОВКИ**

Специальность: 5.7.9 – Философия религии и религиоведение

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Санкт-Петербург 2022

Работа выполнена на кафедре философии Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Научный руководитель: **Смирнов Михаил Юрьевич,**
доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой философии ГАОУ ВО
ЛО «Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина»
(г. Санкт-Петербург)

**Официальные
оппоненты:** **Степанова Елена Алексеевна,**
доктор философских наук, доцент, главный
научный сотрудник Отдела философии
Федерального государственного бюджетного
учреждение науки Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии
наук (г. Екатеринбург)

Штырков Сергей Анатольевич,
кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник Отдела этнографии Кавказа
Федерального государственного бюджетного
учреждение науки Музей антропологии и
этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) Российской академии наук
(г. Санкт-Петербург)

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования Российский государственный
педагогический университет имени
А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Защита состоится ____ июня 2022 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета 72.2.005.01 при Государственном автономном образовательном учреждении высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина» по адресу: 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина и на официальном сайте университета по адресу: <https://lengu.ru/dissertation/77>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т. С. Пронина

I. Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Темы, связанные с религией в публичном пространстве современного социума, прочно вошли в повестку дня общественных и научных дискуссий. Религиозный фактор активно обсуждается в аспектах политических вопросов и в рамках социальной проблематики. Полемика на тему «религиозного ренессанса» или «упадка религии» остается в числе актуальных практически повсеместно. Многообразие религиозных форм, существующих в современном обществе, привлекает исследователей и даёт обширный материал для изучения.

Обсуждение публичной роли религии неразрывно связано с темами секуляризации и так называемого «постсекулярного общества». Термин «постсекулярное» был введен в научный дискурс немецким философом Юргеном Хабермасом, который говорил о возрастающем значении религиозного фактора в современной социальной жизни и указывал на «невиданную до сих пор политическую значимость» религиозных общин. Другой известный современный философ, профессор из Канады Чарльз Тейлор отмечает, что голоса представителей религиозных общин имеют не меньшую ценность для общественного дискурса, чем мнения светских представителей гражданского общества. Публичное пространство должно быть одинаково открыто для всех, такой вывод делают оба именитых исследователя.

Позиция, которую религия занимает в общественном пространстве европейских стран, не имеет однозначной оценки. С одной стороны, уровень посещаемости церковей неуклонно снижается. С другой стороны, вопросы, связанные с религией, постоянно возникают в публичных дебатах по разным поводам. Для осмысления такой ситуации исследователи религии пытаются сформировать подходящие теоретические модели, с помощью которых можно было бы объяснить противоречивую религиозную динамику современности.

Разработка языка описания современных процессов в религиозной жизни общества, адекватного эволюции существовавших явлений и возникающим религиозным новообразованиям, становится сегодня важнейшей теоретико-методологической задачей религиоведения. Анализируя отношение современного общества к религии, исследователи формулируют многочисленные концепции, понятийный аппарат которых позволил бы наиболее точно отразить содержание и характер религиозного фактора в жизни современных людей.

Для данной работы основной интерес представляют концепции, используя которые, можно описать современное положение религии в европейском обществе, где долгое время доминировали исторически сложившиеся государственные церкви. Важной проблемой представляется разработка понятийного аппарата для определения роли религиозных сообществ и организаций в публичном пространстве современной Европы.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена:

- возрастающей публичной значимостью религиозного фактора в современном мире;
- размытостью границ между частной и публичной сферами современного общества, влияющей на позиции доминирующих в Европе конфессиональных организаций;
- научной потребностью выработки религиоведческих концептов, которые позволяют описать постоянно трансформирующиеся религиозные настроения современного общества;
- необходимостью формирования объясняющих религиоведческих трактовок применительно к динамике религиозной жизни российского общества.

Степень научной разработанности темы. Концепции публичности религии вошли в научный оборот более четверти века назад и были включены в спектр интерпретаций современной религиозной жизни общества. Но работ, непосредственно связанных с осмыслением их методологической значимости для современного религиоведения, не так много.

Одним из ведущих ученых, который работает над этой проблематикой, является Хосе Казанова, автор концепта «публичных религий» (*Public Religions in the Modern World*, 1994). Трактовка «публичной религии» была сформулирована им в начале 1990-х годов на волне критики теорий секуляризации. Казанова не рассматривал теории секуляризации как полностью изжившие себя в меняющемся мире, но, как и многие исследователи религии, призывал переосмыслить «старую парадигму» и пытался сформировать новые объясняющие модели религии в публичном пространстве современного мира. Теоретический инструментарий, разработанный Х. Казановой, несомненно, является важным вкладом в исследование проблематики секуляризации.

Не менее значимым представляется подход Питера Бейера, которой в качестве теоретического фундамента использовал концепции Никласа Лумана. П. Бейер и Х. Казанова исследуют тему присутствия религии в публичном пространстве с различных теоретических позиций. Бейер

пытается избежать дихотомии «публичное/приватное»; Казанова, отмечая несомненную размытость данных понятий, тем не менее, противопоставляет «публичную религию» «приватной религии». Критика дихотомии «публичное/приватное» и анализ использования данных понятий в современных исследованиях религии содержится в трудах Карела Доббелера.

Значительное место в современном религиоведении занимают теории, описывающие религиозные настроения нынешних секулярных европейцев и характер их взаимоотношений с религиозными организациями. Особо выделяется аналитика роли исторически сложившихся религиозных организаций в публичном пространстве современной Британии, Западной Европы и Скандинавии с позиций концепций «викарной религии» (Vicarious Religion) Грейс Дэйви, «диффузной религии» (Diffused Religion) Роберто Чиприани, «религиозной сложности» (Religious Complexity) Ингер Фурсет.

Британская исследовательница религий Грейс Дэйви в своей работе «Социология религии» (The Sociology of Religion, 2007; 2013) характеризует вклад Х. Казановы, наряду с работами К. Доббелера, как серьезную помощь в «распутывании клубка ниток», который возник из неоднозначной семантики понятия секуляризации. Дэйви также отмечает, что понятие «публичной религии» оказало определённое влияние на формирование концепции «викарной религии», которую она сформулировала в своей работе «Религия в современной Европе: мутация памяти» (Religion in Modern Europe: A Memory Mutates, 2000). Она полагает, что на фоне продолжающейся секуляризации общества церковность не становится менее значимой – как для отдельного «частного» человека, так и для целого государства. Для того, чтобы проанализировать этот феномен, характерный, по мнению Дэйви, не только для Британских островов, но и для большинства стран Европы, требуется новый теоретический инструментарий. В работе «Религия в Британии: бесконечный парадокс» (Religion in Britain: a Persistent Paradox, 2015) Дэйви, используя понятие «викарной религии», анализирует взаимоотношения, которые складываются между религиозно нейтральными гражданами и исторической церковью, а также пытается определить роль института церкви в публичном пространстве.

На идеи Х. Казановы опирается И. Фурсет в коллективном труде «Религиозная сложность в публичной сфере. Сравнительный анализ стран Скандинавского региона» (Religious Complexity in the Public Sphere: Comparing Nordic Countries, 2018). Также в этом труде отмечается методологическое значение для современного религиоведения подхода Карела Доббелера, который в своей работе «Секуляризация: многомерная концепция» (Secularization: a Multi-dimensional Concept, 1981)

проанализировал процесс секуляризации на трёх уровнях: макро, мезо и микро. И. Фурсет возглавляла большую группу исследователей из Дании, Финляндии, Швеции, Норвегии и Исландии, которые в период с 2009 по 2014 годы работали над проектом «Роль религии в публичной сфере, сравнительный анализ пяти Скандинавских стран». По итогам этой работы в 2017 г. опубликован упомянутый труд «Религиозная сложность в публичной сфере» и сформулирована концепция Religious Complexity. Эта концепция помогает артикулировать определённые парадоксы, которые возникают в современном обществе. Как полагают авторы, их метатеоретический подход позволяет описать одновременное присутствие разнообразных религиозных тенденций, зачастую несовместимых между собой, на всех уровнях общества. В частности, они указывают на то, что присутствие религии в публичном пространстве может возрастать, одновременно с упадком религиозности на частном уровне и наоборот.

Влияние работ Х. Казановы на определённые тенденции в современном западном религиоведении, несомненно. Но, тем не менее, концепт «публичной религии» вызвал и ряд серьёзных критических публикаций. Джеймс Бекфорд в статье «Возвращение публичной религии? Критическая оценка громкого заявления» (The Return of Public Religion? A Critical Assessment of a Popular Claim, 2010) отмечает, что Казанова упускает из виду очень важный фактор – государственное регулирование, которое влияет на присутствие религии в публичном пространстве. С Талалом Асадом, который критиковал концепт «публичной религии», у Казановы завязалась полемика, которая отразилась в ряде публикаций Асада и Казановы.

Концепции публичности религии в теоретическом плане освоены и в исследовательском поле российского религиоведения. Отдельные публикации Х. Казановы переведены на русский язык. Среди российских религиоведов с этой проблематикой работает Е. А. Степанова – в публикациях «Религия между частным и публичным пространством» (2011), «Религия за пределами оппозиции публичного и частного» (2013) она анализирует место религии в дихотомии частной и публичной сферы. Е. И. Гришаева рассматривает рефлексии над религией в медиатизированных публичных пространствах Скандинавских стран. Д. А. Узланер в статье «Диалог науки и религии: взгляд с позиций современных теорий демократии» (2015) и в монографии «Конец религии? История теории секуляризации» (2019) подробно исследует взаимодействие религии и науки в публичном пространстве. В «Энциклопедическом словаре социологии религии» под редакцией М. Ю. Смирнова (2017) есть статьи, посвященные как лично Казанове (О. Ю. Бреская), так и концепции «публичной религии»

(М. Ю. Смирнов). Российские исследователи – Б. К. Кнорре, А. И. Кырлежев, А. В. Шишков, С. Б. Филатов и др. – также занимаются темой присутствия религиозных организаций в публичном пространстве.

В российской исследовательской практике понятие «публичной религии» в основном упоминается в рамках анализа теорий секуляризации (например, в кандидатской диссертации Д. А. Узланера «Неоклассическая модель секуляризации в западной социологии религии второй половины XX – начала XXI вв.», 2009; в докторской диссертации Ю. Ю. Синелиной «Циклический характер процесса секуляризации в России», 2009; в монографии И. Г. Каргиной «Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма», 2014).

Несомненно, формирование теоретического подхода на основе концепта «публичной религии» было связано с переосмыслением теорий секуляризации. Но с момента выхода в свет труда Х. Казановы «Публичные религии в современном мире» прошло уже более четверти века и сегодня первоначальная исследовательская задача – выйти за ограничивающие рамки «секуляризационной парадигмы», поставленная автором, уже не столь актуальна. Основные аспекты проблематики, связанные с секуляризацией, остались в прошлом веке, в прямом и переносном смысле.

Тем не менее, концепт «публичной религии» остается важным теоретическим средством в исследовательской практике западных религиоведов. Религиозный ландшафт современного мира постоянно меняется и исследователи вынуждены непрерывно прорабатывать новые трактовки религии. Концепт «публичной религии» вошёл в исследовательский инструментарий и оказал, как нам кажется, определенное влияние на формирование новых религиоведческих концепций.

Уточним, что в данной диссертации учитывается, но остается без подробного рассмотрения «теория рационального выбора», так как этот подход разрабатывался на материале поликонфессионального региона Соединенных Штатов Америки. В то же время, интернациональный характер современных наук о религии делает необходимым включение в рассмотрение авторитетных трудов ряда американских исследователей, таких как Р. Белла, Д. Бекфорд, Т. Парсонс, Б. Уилсон и др.

Объектом исследования является комплекс концепций публичности религии, разрабатывающихся в современном зарубежном и российском теоретическом религиоведении.

Предметом исследования избраны теоретические подходы современного религиоведения к пониманию публичной роли религиозных сообществ и организаций в развитых странах Европы (на материале Британии, Италии и Скандинавии) в конце XX – начале XXI века.

Цель исследования: осуществить всесторонний анализ основных концепций публичности религии и проследить их влияние на формирование новых религиоведческих подходов к исследованию религии в современном европейском обществе.

Для достижения этой цели ставится ряд исследовательских задач:

1. Рассмотреть опыты религиоведческой рефлексии над динамикой «публичного» и «приватного» в религиозной жизни современного общества (трактовки «невидимой религии», «имплицитной религии» и др.), предшествовавшие разработке концепта «публичной религии».

2. Проанализировать в сопоставлении концепт «публичной религии», предложенный Хосе Казановой, и трактовку данной проблематики Питером Бейером, а также проанализировать степень влияния этих авторов на теоретические подходы в современном религиоведении.

3. Выяснить исследовательские возможности изучения религии в публичном пространстве с позиций концепций «викарной религии», «диффузной религии», «религиозной сложности (комплексности)», и возможности их применения к анализу религиозного фактора в российском социокультурном контексте.

4. Определить теоретические подходы к роли религии в публичном пространстве, принятые в российском религиоведении.

Гипотеза исследования. На основе изучения актуальных религиоведческих теорий и описаний исследовательского опыта зарубежного и отечественного религиоведения относительно современных процессов в религиозной жизни общества, автор делает предположение о том, что наиболее продуктивным для религиоведения является взаимодействие различных исследовательских подходов и трактовок, которые не отменяют, но дополняют друг друга, позволяя выработать объёмную систему достоверных представлений об изучаемой предметной области. В то же время, периодически какой-либо из элементов этой системы, в виде конкретной объясняющей теории или концепта, может оказаться наиболее точным при аналитике и выработке целостных представлений о религии в публичном пространстве современного общества.

Теоретической основой исследования являются научные труды современных зарубежных и российских авторов, посвящённые разработке исследовательских подходов и методологии научного изучения религии в публичном пространстве современного общества.

Методологической основой исследования является системный подход, с позиций которого религиоведение рассматривается в качестве открытой динамичной самообновляющейся системы, которую образуют, как подсистемы, различные концептуальные научные трактовки религии. В исследовании применены общие научные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, единство исторического и логического.

Источниковедческая база работы основана на использовании не переведённых на русский язык концептуальных трудов ряда современных зарубежных исследователей религии, чьи взгляды рассматриваются в данной диссертации, имеющихся русских переводов зарубежных исследований, а также трудов отечественных религиоведов.

Научная новизна исследования

Впервые в отечественном религиоведении всесторонне анализируются современные концепции публичности религии, выявлены научные мотивы формирования этих концепций и проведена их систематизация. В диссертации, впервые в российской религиоведческой литературе, произведен комплексный анализ концепта «публичной религии» в его соотнесенности с предшествующими и последующими трактовками религии в публичном пространстве современного общества.

Сформулирована оригинальная авторская трактовка последовательности и логики развития религиоведческих теорий, определяемая актуальной проблемой выработки нового языка описания динамично изменяющихся состояний религиозной жизни общества.

В научный оборот российского религиоведения вводятся малоизвестные или прежде вообще не включавшиеся в исследования религий в России работы ряда зарубежных авторов, учёт которых позволяет расширить методологический инструментарий теоретического религиоведения. В качестве таких новаций рассматриваются, в частности, перспективные «теория колебаний» и теория «религиозной сложности», практически неизвестные в России.

Впервые систематизированно представлены концептуальные подходы российских исследователей религии к явлениям десекуляризации и

контрсекуляризации, определены полемические зоны и теоретические лакуны в позициях отечественного религиоведения по вопросу публичности религии.

Положения, выносимые на защиту

1. Исследователи религии в 1960–80-е годы, в соответствии с установками теорий секуляризации и накапливаемым массивом эмпирических свидетельств, культивировали тезис о трансформации религии в «частное дело» индивидов. При этом понятия частного и публичного в отношении к религии использовались как самоочевидные и не подвергались тщательному анализу. Однако с 1980-х годов эмпирическая реальность давала всё больше оснований для утверждения концепта «возвращения к сакральному», отчего возникли определённые сложности при использовании дихотомии «публичное-частное» в религиоведческом обиходе – обретаемые верующими индивидуальные религиозные смыслы не отменяли публичной репрезентации религиозной идентичности. Исследования этого процесса привели к появлению в 1990-е годы концепта «деприватизации религии», что стало новым витком в развитии дискуссии на тему места религии в современном обществе, а тема «публичного» и «частного» продолжила свое присутствие в религиоведческой дискуссии.

2. Динамичное развитие современных форм религиозной жизни ставит перед исследователями задачи по созданию концепций, способных адекватно отразить всю многоликость проявлений религии в обществе. В актуальную научную повестку вошла проблема выработки языка описания новаций в религиозной сфере. Решением этой проблемы были вызваны, прежде всего, концепции «викарной религии», «диффузной религии», «религиозной сложности (комплексности)», «контрсекуляризации» и «десекуляризации».

3. Концепт «публичной религии» явился одним из инструментов для теоретического осмысления меняющейся действительности, который позволял исследователям пересмотреть такой элемент теории секуляризации как «приватизация религии». Этот концепт, будучи лишь одной из многих попыток западных религиоведов уловить нюансы меняющейся роли религии в публичном пространстве, тем не менее, оказался довольно весомым вкладом в развитие исследовательской мысли в западноевропейском регионе.

4. В российском религиоведении тема религии в публичном пространстве активно обсуждается и предпринимаются попытки ее теоретического осмысления, но, как представляется, четких концептуальных моделей пока не разработано. Чаще встречаются рецепции иностранного исследовательского лексикона. Зарубежные теоретические подходы

(предложенные Х. Казановой, Г. Дэйви, Р. Чиприани и рядом др. исследователей) к объяснению религиозных настроений современных европейцев, по мнению самих авторов, вполне могут быть применимы в социокультурном контексте других стран. Тем не менее, для использования данных подходов на российской почве требуется их всесторонний анализ и четкое понимание историко-культурных особенностей нашей страны.

Апробация материалов диссертационного исследования проведена в рамках выступлений на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях: «XX Царскосельские чтения» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016), доклад: Концепты «публичного» и «приватного» как инструмент исследования религий; «XXI Царскосельские чтения» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017), доклад: Концепция «викарной религии» как инструмент исследования современной религиозности; «XXII Царскосельские чтения» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017), доклад: Концепция «викарной религии» как инструмент исследования государственной религии в публичном пространстве современного общества; «Религия в публичной сфере: парадоксы присутствия» в рамках конвента «Модернизация общества и множественные модерности» (Екатеринбург, Уральский Федеральный университет, 2017), доклад: Трактовки религии в публичном пространстве современных обществ; «Философия и культура информационного общества» (Санкт-Петербург, ГУАП, 2020), доклад: Религия в публичном пространстве в исследованиях по теории глобализации П. Бейера и Р. Робертсона; «Гуманитарное знание и духовная безопасность» (Грозный, ЧГПУ, 2020), доклад: Религия в публичном пространстве в эпоху цифровой постсоциальности. Теоретические подходы.

Структура диссертации включает в себя введение, три главы, подразделяющиеся на четыре параграфа каждая, заключение, список использованных источников и литературы, включающий 175 наименований.

II. Основное содержание работы

Во **Введении** представлено обоснование актуальности выбранной темы, осуществлен анализ степени разработанности поставленной проблемы, сформулированы объект, предмет, цель и задачи исследования. Представлена характеристика теоретико-методологических оснований работы, научная новизна исследования и ключевые положения, выносимые на защиту.

Обозначена теоретическая и практическая значимость проведенного исследования, его апробация.

Первая глава **«Проблема ‘приватизации’ и публичности религии в контексте теорий секуляризации»** посвящена изучению трудов по теории секуляризации в 1960–1980-х годах.

В параграфе 1.1 **«Обзор основных подходов»** дан обобщающий обзор теорий секуляризации, разработанных в 1960–70-х годах. Среди авторитетных исследователей этой проблематики выделяются Т. Лукман, Б. Уилсон, П. Бергер, Р. Белла, Т. Парсонс, Д. Мартин, Р. Фенн. Как показал в своем исследовании О. Тшанен¹, во всех концепциях секуляризации, вне зависимости от их сходства и различий, присутствуют три элемента: дифференциация, рационализация и светскость. Каждый из этих элементов является продуктом модернизации общества и определенным образом характеризует положение религии в современном мире.

«Приватизация религии» становится следствием процессов дифференциации. Это явление возникает вследствие взаимодействия религиозности с различными мировоззренческими установками. Рассматриваемые в параграфе трактовки указывают на то, что человек создаёт свой собственный «коктейль» из разнообразных представлений об мире. Например, в религиозный кругозор, наравне с христианством, могут входить, скажем, и буддизм, и вера в астрологию. В то же время, в ходе процессов дифференциации происходит завуалированное проникновение религии в секулярные институты, например, на политическую арену. Теории секуляризации показывают, что религия, с одной стороны, становится частным делом индивида, а с другой – происходит повсеместное проникновение религиозных элементов в пространство секулярных институтов.

Параграф 1.2 **«Трактовки “приватизации” религии в теориях 1960–70-х годов»** посвящен анализу концепций П. Бергера, Р. Беллы, Т. Лумана и Э. Бейли. Эти исследователи указывали на то, что традиционные подходы уже не функциональны для определения религиозности современных индивидов.

П. Бергер в своей работе, опубликованной в 1969 году, обозначил два полюса человеческой деятельности: «публичный» и «приватный», где последний как раз являлся пространством, куда в ходе процесса секуляризации была вытеснена религия. Бергер указывает, что в современном мире религия стала личным делом индивида. При этом, как

¹ Tschannen O. The Secularization Paradigm: A Systematization // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1991 – Vol. 30. – P. 395–415.

генератор «предельных» смыслов одинаковых для всех членов общества, религия больше не функционирует. Бергер полагал, что разведение «публичного» и «приватного» приводит к тому, что религия в публичном пространстве остается лишь в качестве риторики, а непосредственно религиозная добродетель располагается на противоположенном полюсе и становится сугубо приватным состоянием. Таким образом, религия перестает быть действенным фактором для консолидации общества в единое целое, хотя и останется существенным элементом для частной жизни членов этого общества. Истины, которые традиционно генерировались в недрах института церкви и служили важным элементом для социального конструирования реальности, перестали быть всеобщими, теперь распространение религиозного мировоззрения не выходит за пределы семейной жизни.

Соавтор П. Бергера по работе «Социальное конструирование реальности» Т. Лукман также считал, что религию следует искать в пределах частной жизни индивида. Лукман «публичное» пространство определяет как сферу деятельности политических и экономических институтов, которые функционируют, ориентируясь на секулярные нормы. Эти институции никоим образом не влияют, по мнению Лукмана, на индивидуальное сознание и формирование идентичности индивида, все это становится его личным делом и полностью относится к «приватному» пространству.

По мнению Лукмана, у человека в современном мире появилась возможность единолично определять свою индивидуальность. Исследователь критически относится к тенденции ставить знак равенства между религией и официальным институтом церкви. Лукман указывал на то, что традиционная церковь представляет всего лишь одну из форм современной религии. Появились и другие формы. Семью и сексуальность, по мнению Лукмана, также следует рассматривать как часть актуальной религиозной тематики и, совместно с идеями самореализации и самовыражения, все это составляет корпус современной формы религии, которая получила название «невидимой религии». Без понимания природы этого нового явления невозможно адекватно оценить степень религиозности современного человека. Лукман указывает на то, что фундаментом для социальной базы новой формы религии является «приватная сфера».

Теория Эдварда Бейли основывается на идее того, что любой человек имеет что-то религиозное и сакральное в своей жизни, что, хоть и на бессознательном уровне, но поддерживает и направляет его по жизненному пути. Концепция «имплицитной религии», которую предложил Бейли, выступает теоретическим инструментом, позволяющим распознать религиозное в том, что традиционно определяется как секулярное. Бейли, так

же как и Лукман, призывает не ставить знак равенства между религией и институтом церкви или какой-либо устоявшейся системой верований. Но в отличие от Лукмана, Бейли не фиксирует положение новых религиозных форм жесткими рамками «приватной» сферы.

Роберт Белла, также как Лукман и Бейли, в своих работах указывал на упадок церковной религиозности и отмечал, что в современном западном обществе появились новые формы религии. Американский исследователь пишет о двух таких формах, одна из которых сходна с концепцией «невидимой религии» Лукмана и формируется в рамках идеи индивидуальной религиозности и самостоятельно «Я». В отличие от трактовки Лукмана, идея индивидуализма у Беллы не имеет характер отчужденности и аполитичности. Лукман видит личную жизнь как совершенно отдельное явление, не управляемое какой-либо внешней системой, Белла наблюдает многообразие структур, функционально интегрированных в многозначную, но, тем не менее, единую систему. Такая система не может быть сформулирована исключительно силами активных индивидуалов, самостоятельно несущих ответственность за свою судьбу, и, как следствие, решающих все только за себя. Здесь требуется некая объединительная структура, коллективная система символов, способствующая интеграции как частного лица в отдельности, так и социальной структуры в целом, в некое общезначимое целое. Эту коллективную общезначимую систему символов Белла называет «гражданской религией».

Идея индивидуализация религии и возможность самостоятельно определять свою религиозность прослеживается в работах всех четырех исследователей. П. Бергер и Т. Лукман проводят четкую границу между «приватным» и «публичным» пространством, по мнению исследователей религия располагается в «приватном» пространстве, и такое распределение сферы влияния определяется социальной активностью современного общества.

В параграфе 1.3 **«Критика К. Доббелером идеи индивидуализации религии в теориях секуляризации»** рассматриваются сложности проведения демаркационной линии между «приватным» и «публичным» пространством применительно к религиозной сфере.

К. Доббелер указывает на то, что в некоторых странах до сих пор остается открытым вопрос включения или исключения знаний о религии на уровне школьного обучения в государственных образовательных учреждениях, и эта проблема становится предметом обсуждения на правительственном уровне. Семья, будучи ядром «приватной» сферы, в

условиях современного общества уже давно находится под юрисдикцией государственных институтов. Можно говорить о секуляризации института семьи, отмечает Доббелер². По мнению Доббелера, противопоставлять «приватную» сферу «публичной» с позиций свободы выбора и подчинения строгим правилам, не совсем правомерно. Несмотря на то, что выбор религиозных предпочтений, действительно, личное дело индивида, в условиях современного общества у него есть возможность выбрать не только религию, но и политическую партию, соседей, профессию, футбольный клуб, супруга и т. д. Возможность свободно выбирать, так или иначе, затрагивает все социальные институты современной жизни, в этой ситуации такие понятия как «индивидуализация» и «приватизация» требуют более внимательного анализа, и их не стоит путать³.

Существование «приватной» сферы, как некоего пространства, отделенного от «публичного», является для теоретиков секуляризации одной из предпосылок определения места религии в современном обществе. В трудах упомянутых выше исследователей не уделялось особого внимания природе этих понятий, они использовались как готовые категории.

В отличие от этого, К. Доббелер определяет эту дихотомию как «идеологическую пару». В своих работах середины 1980-х годов Доббелер поясняет, что «публичное» и «приватное» – это социальные определения, а не социологические категории. Феномены «публичного» и «приватного» должны рассматриваться как объекты социологического исследования.

В параграфе 1.4 «Дихотомия “публичного” и “приватного” применительно к религии (Джеф Вайнтрауб)» рассматривается классификация трактовок «публичного» и «приватного», которую предложил Дж. Вайнтрауб, выделивший четыре подхода к определению этой дихотомии.

Исследователь отмечает⁴, что все трактовки можно условно разделить на два типа. В подходах первого типа дихотомия приватного/публичного выступает (с определёнными оговорками) как синоним дихотомии политического/неполитического. В подходах второго типа акцент делается на специфику частной и публичной жизни.

Первый подход можно охарактеризовать как либерально-экономический. Здесь под публичным подразумевается государственная администрация, а под частным – рыночная экономика. Взаимоотношения

² Dobbelaere K. Secularization: a Multi-dimensional Concept // Current Sociology – 1981. – Vol. 29. – P. 81.

³ Dobbelaere K. Secularization Theories and Sociological Paradigms: A Reformulation of the Private-Public Dichotomy and the Problem of Societal Integration // Sociological Analysis. – 1985. – Vol.46. – No4. – P. 381.

⁴ Вайнтрауб, Джеф. Теория и политика дихотомии публичное/приватное // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стадии: коллектив. моногр. / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – М., 2013. – С. 309.

между ними выстраиваются как между сувереном и политически пассивными индивидами, имеющими права, представленные и гарантированные сувереном.

Второй подход – классический, или подход «республиканской добродетели». Под публичной сферой здесь подразумевается пространство для дебатов политически активных граждан. Определить границы публичного пространства в рамках этого подхода и оценить, в какой момент заканчивается частная жизнь и начинается публичная деятельность в современном обществе, довольно затруднительно. В рамках обоих подходов этого типа, условно названного «политическим», при анализе дихотомии частного/публичного основное внимание уделяется сфере публичного, проблематика же частного пространства менее исследована. Приватная сфера подробнее анализируется в подходах, которые Вайнтрауб характеризует как социально–исторический и феминистский.

П. Бергер, Т. Лукман, Р. Белла трактуют процесс приватизации религии с позиций классического подхода, для них приватизация религии – это прежде всего индивидуализация религиозных воззрений и вытеснение религиозного мировоззрения за рамки политико-экономических дискуссий.

В рамках социально-исторического подхода приватное – это дом, публичное – это социальное общение за пределами семейного круга. С позиций этого подхода «вторичные институты» Т. Лукмана⁵ оказываются в пространстве публичной сферы. Соответственно, религия, которую Лукман причислял к «вторичным институтам», становится частью публичного пространства.

Таким образом, в разных моделях по-разному раскрываются и трактуются публичная и приватная сферы. То, что в рамках феминистского подхода описывается как публичное пространство, теоретики либерально-экономической модели интерпретируют как приватное.

Концепция «приватизации религии» как неотъемлемый элемент теории секуляризации стала отправным пунктом для ряда новых концептов. Но в силу того, что понятие приватизации религии связано с понятием частного, которое, в свою очередь, является частью дихотомии публичного-частного, возникли определенные противоречия в формулировках (на которые указал К. Доббелер в своих критических статьях). Ситуация с выработкой нового языка описания усложняется ещё и тем, что исследователи так или иначе работали в рамках парадигмы

⁵ Luckman Th. The Invisible Religion: the Problem of Religion in Modern Society. – London; New York, 1967. – P. 97.

секуляризации. Эта парадигма сама по себе вызывает много вопросов и споров и требовала концептуального переосмысления.

Вторая глава **«Религия в публичном пространстве: теоретические подходы 1980-90-х годов»** посвящена переосмыслению теорий секуляризации западными исследователями, в ходе которого был разработан ряд новых подходов к роли религии в публичном пространстве современного общества.

В параграфе 2.1 **«Присутствие религии на общественном и государственном уровнях в трактовках Р. Беллы»** проанализированы концепция «гражданской религии» и взгляд на религию как часть публичного пространства в работах Р. Беллы.

Р. Белла оценивал «гражданскую религию» как необходимый элемент для формирования национальной идентичности в обществе, где характерной особенностью является индивидуализм. «Гражданская религия» Беллы существует параллельно с традиционной церковной религиозностью, которая остается частью приватной сферы американцев. В одном из концептуальных трудов⁶, рассматривая религию и на индивидуальном уровне и на уровне местной церкви, Белла предлагает отнести религиозность на обоих этих уровнях к приватной сфере. Но существует ещё и третий уровень, который Белла определяет как культурный уровень. На этом уровне религия, по мнению учёного, является частью публичного пространства. Белла отмечает, что в истории Америки религия часто играла важную роль в общественных движениях. Наиболее яркий пример, который приводит учёный, это религиозная мотивация в движении Мартина Лютера Кинга за гражданские права афроамериканцев. Культура индивидуализма в комбинации с библейскими традициями и республиканскими мотивами способствовала преобразованию социальных и экономических институтов страны.

В параграфе 2.2 **«Проблематика религии в публичном пространстве в исследованиях по теории глобализации П. Бейра и Р. Робертсона»** исследуется теоретический инструментарий для осмысления темы «возвращения» религии в публичное пространство и возрастающей роли традиционных институтов церкви в политической жизни современного западного общества.

Р. Робертсон полагал, что в условиях глобализации, мировые религии могут играть две достаточно серьёзные, но противоречивые роли. Религиозные традиции, с одной стороны, являются механизмом, способствующим интеграции индивидов в глобальное пространство

⁶ Bellah R. N., Madsen R., Sullivan W. M., Swindler A., Tipton S.M. *Habits of the Heart. Individualism and Commitment in American Life.* – Berkeley: University of California Press. – 1985. – P. 219–230.

современного мира, но с другой, – они же выступают препятствием для этого процесса. Глобализация парадоксальным образом стимулирует одновременное развитие идей как универсализма, так и партикуляризма среди народов, которые оказались, вовлечены в проект глобального мира. Именно глобализация, по мнению Робертсона, является катализатором религиозных настроений в обществе⁷.

П. Бейер, как и Р. Робертсон, также полагал, что глобализация провоцирует усиление позиции религии в публичном пространстве современного общества. Подход Бейера к роли религии в «публичном» пространстве сформировался под влиянием теории систем Никласа Лумана. Исследователь отмечает, что в условиях глобального мира разнообразные идеи и ценностные установки переплетаются в единую пеструю структуру, и это серьёзным образом ослабляет влияние каких-то конкретных религиозных идей и ограничивает влияние религии на важные социальные институты и службы. Таким образом, именно процесс глобализации, становится на пути религии в публичное пространство глобального мира, но при этом тот же процесс усиливает влияние религиозных лидеров на политической арене отдельных государств, где возникает потребность мобилизовать все свои силы в ответ на вызовы глобального мира, полагает Бейер⁸.

Исследователь, анализируя теоретические подходы, связанные с проблематикой роли религии в «публичном» и «приватном» пространстве, указывает на серьёзную путаницу, которая возникает из-за невозможности провести чёткую демаркационную линию между этими сферами.

В параграфе 2.3 **«Концепция “публичной религии” Хосе Казановы»** рассматривается попытка переосмысления теорий секуляризации с теоретических позиций Х. Казановы.

Казанова разработал теоретический подход, который: «во первых может стать подспорьем в интерпретации разнообразных вариаций того, что могло бы именоваться “публичными религиями” в современном мире; во-вторых поможет определить в каких пределах теории секуляризации являются дескриптивными и описывают современные социальные процессы, а в каких становятся нормативными и служат для легитимации определенной идеологии; в третьих позволит проверить играют ли публичные религии какую либо роль в изменении границ между частной и публичной сферой в современном мире»⁹. Как полагает Х. Казанова, в условиях

⁷ Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. – London, 1992. – P. 172.

⁸ Beyer P. *Privatization and the Public Influence of Religion in Global Society // Theory, Culture & Society*. – 1990. – Vol. 7. – No 2–3. – P. 374.

⁹ Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – P. 41.

дифференцированной реальности следует стремиться определить основные варианты положения религии в современном обществе. В качестве структурной рамки он использует классификацию, предложенную Дж. Вайнтраубом.

Казанова применяет также концепцию А. Степана о разделении современного государственного общества на три разные «арены»: государство, политическое сообщество и гражданское общество¹⁰. Сообразно этой концепции, Казанова исследует публичную религию в трёх разных формах, функционирующих в трёх сферах современной демократической структуры: государство, политический аппарат и гражданское общество. Религия, которая мобилизует свои институциональные ресурсы для политических дебатов, используя средства социальных движений и политических партий – это пример функционирования публичной религии на уровне политического аппарата. Примером публичной религии на уровне гражданского общества может служить участие представителей религиозных институтов в открытых общественных дебатах на социально-экономические и политические темы. По мнению Казановой, религия может проявлять себя на всех этих трёх уровнях «публичной» сферы. На государственной арене религия представлена институтом церкви, на политическом – всевозможными религиозными партиями, которые борются за свои права, на уровне гражданского общества – участием в открытых дебатах на разнообразные социально-экономические темы. По мнению исследователя, религия продолжает играть «публичную» роль, но уже не на политическом и государственном уровне, а на арене гражданского общества.

В параграфе 2.4 **«Трактовка роли религии в публичном пространстве современного общества (Ч. Тейлор, Ю. Хабермас, С. Брюс, Х. Казанова)»** демонстрируются несколько основных позиций современного зарубежного религиоведения в трактовках роли религии в публичном пространстве. Подходы западных исследователей варьируются от полного отрицания какой-либо роли религии в публичном пространстве, до признания и позитивного отношения. С. Брюс полагал, что основная заслуга религии перед современной культурой – это её (религии) полнейшее исчезновение с повестки общественных дебатов. Ю. Хабермас признаёт право религии присутствовать в общественном дискурсе, но статус религиозного мировоззрения он ставит ниже статуса научной картины мира. В свою очередь, Ч. Тейлор призывает признать религиозный фактор «равным среди

¹⁰ Shah T.S., Stepan A., Toft M.D. Rethinking Religion and World Affairs. – Oxford, 2012. – P. 26.

прочих». Х. Казанова в своих работах указывает на значимость религии для процесса формирования публичного пространства в современном обществе.

Третья глава **«Концепции религии в публичном пространстве на рубеже XX и XXI веков»** посвящена концепциями, разработанным на материале современной религиозной реальности. Религия в современном обществе крайне динамична и принимает настолько разнообразные формы, что описать это явление одной всеобъемлющей теорией уже не представляется возможным. Авторы религиозоведческих теорий, формулируя все новые и новые концепты, дополняют друг друга.

В параграфе **3.1 «Концепция “диффузной религии” (Р.Чиприани)»** на материале работ итальянского исследователя анализируются взаимоотношения, которые сложились у католической церкви с политическими институтами Италии. «Диффузная религия» распространяется далеко за пределы института церкви, в некоторых случаях даже открыто противоречит традиционным церковным устоям. Но, в отличие от «невидимой религии» по Лукману, которая использует разнообразные источники и преимущественно «профанные каналы распространения», «диффузная религия» по Р. Чиприани проистекает исключительно из церковной структуры¹¹. Таким образом, с одной стороны, «диффузная религия» выходит далеко за пределы церковных стен, растворяясь в рутине повседневной жизни, и постепенно теряет устойчивые связи с институтом церкви. А с другой стороны, благодаря двухтысячелетней истории христианства, религия прочно укоренилась в итальянской культурной традиции. Р. Чиприани указывает на два типа связи, которые формируются между религией и политикой в Италии. В первую очередь, это непосредственное присутствие религиозных организаций на политической арене, здесь имеется в виду такие партии как Христианская демократическая. Второй тип связи Р. Чиприани характеризует как опосредованный и свойственный левым политическим движениям. Механизм этого взаимодействия между религией и политикой, по мнению исследователя, функционирует в формате «диффузной религии».

В параграфе **3.2 «Концепция “викарной религии” (Г. Дейви)»** рассматривается инструментальное исследовательское значение концепта «Vicarious Religion» для определения уровня религиозности тех европейцев, которые давно перестали следовать предписанием христианской традиции в своей бытовой жизни. Дейви в своей работе¹² указывает на то, что эти люди

¹¹ Cipriani R. Religion and Politics. The Italian Case: Diffused Religion. – 1984. – No 58/1 – P. 30.

¹² Davie G. Vicarious Religion: A Methodological Challenge // Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives. / ed. by N. T. Ammerman – New York; Oxford, 2007. – P. 21.

готовы делегировать ряд функций представителям церкви и нуждаются в «заместителях» в сфере религии. Концепт «викарной религии» позволяет донести понимание религии, демонстрируемое активным религиозным меньшинством от имени большинства, которое в свою очередь полностью доверяет действиям меньшинства. Имея своих «заместителей» в храмах, большинство британцев не считает необходимым самостоятельно их посещать, но, при этом, делегировав все свои полномочия по религиозным вопросам клиру и активным прихожанам, они продолжают следить за состоянием государственной религии. Активизация внимания, которая периодически возникает в публичном пространстве Великобритании вокруг религиозной проблематики, свидетельствует о том, что людям, которые далеки от церкви, не все равно, что происходит внутри и около неё. Вместе с тем, прямая связь с институтом церкви потеряна, традицию ходить в церковь большинство британцев давно не поддерживает. А вот публичное пространство теледебатов или светских СМИ остаётся открытым для выражения своих мыслей и идей о религии. Концепция «викарной религии» успешно фиксирует два, казалось бы, противоположенных явления, которые свойственны современному европейскому обществу: (1) устойчивое присутствие темы религии в публичном пространстве и (2) снижение роли государственных церквей в жизни европейцев.

Параграф 3.3 «**Концепция “религиозной сложности”**». Концепция «религиозной сложности» помогает в исследовании определённых парадоксов, которые возникают вокруг религии в современном обществе. Как полагают авторы¹³, их метатеоретическая концепция, позволяет описать сопутствие разнообразных религиозных тенденций, зачастую несовместимых между собой, на всех уровнях общества. В частности, указывается на то, что присутствие религии в публичном пространстве может возрастать одновременно с упадком религиозности на частном уровне.

В исследовательском проекте пяти скандинавских стран большое внимание уделялось «публичной» сфере как механизму гражданской коммуникации. И. Фурсет, возглавлявшая этот проект, отметила, что исследователи ставят своей целью проанализировать масштаб, с которым религия заявила о себе в публичной сфере, насколько в действительности религия вновь стала значимым явлением для современного общества. Фурсет обращает внимание, что концепция «религиозной сложности», это не то же самое, что «деприватизация» по Х. Казанове, ограниченная мезоуровнем (пользуясь классификацией Доббелера). С помощью концепции

¹³ Furseth I. Religious Complexity in the Public Sphere Comparing Nordic Countries. – Palgrave Macmillan, 2018. – P. 16, 17.

«религиозной сложности» исследователи фиксируют упадок религиозности, её изменения и подъём на макро, мезо и индивидуальном уровнях, рассматривая разнообразные религиозные формы на каждом из уровней.

В параграфе 3.4 «Рецепции теорий “десекуляризации” и “контресекуляризации” в работах российских исследователей» проанализированы рецепции идей десекуляризации и контресекуляризации в ряде трудов отечественных ученых.

Отправным пунктом теории В. Карпова стало бергеровское понимание десекуляризации как контресекуляризации¹⁴. Это понятие отражает присутствие секуляризационных тенденций в обществе и развивается как реакция на них. Карпов рассматривает контресекуляризацию как процесс социальных изменений, в ходе которых увеличивается степень влияния религии на общество. Исследователь выделяет два типа процесса десекуляризации: религиозное возрождение может исходить (1) либо от нижних слоёв населения, (2) либо наиболее активные группы религиозно настроенных граждан будут принадлежать к верховным слоям. Для того чтобы проанализировать все обстоятельства происхождения и осуществления десекуляризации В. Карпов применил подходы М. Чавеса и К. Доббелера¹⁵. В качестве структурной основы для своей концепции Карпов применил подход Хосе Казановы. Также серьёзное внимание Карпов уделяет «человеческому фактору», он вводит такие понятия как «активисты десекуляризации» и «акторы десекуляризации».

Российский исследователь А. В. Шишков, используя теоретический инструментарий Карпова, проанализировал некоторые аспекты процесса десекуляризации в современной России. Исследователь считает, что религия была вытеснена не только из публичной сферы, но и из приватной. Индивидуальная религиозность советского образца становилась частью тайной жизни индивида. Это существенным образом отличалось от западноевропейского понимания понятия «приватизация религии»¹⁶. На постсоветском пространстве религия вернулась не только в публичное пространство, но и в приватную сферу жизни людей, и оба эти процесса проходят одновременно, полагает Шишков.

Также об особенностях возвращения религии в общественную жизнь пишет А. И. Кырлежев. Работая над проблематикой постсекулярности,

¹⁴ Berger P. Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / ed. Peter L. Berger. – Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999. P. 3.

¹⁵ Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство религия церковь. – 2012. – № 2 (30). – С.141

¹⁶ Шишков А.В. Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России // Государство религия церковь. – 2012. – № 2 (30). – С. 170.

Кырлежев отмечает, что идеи сформированные в рамках религиозного мировоззрения, могут быть беспрепятственно проявлены в публичном пространстве, наравне с сугубо светскими высказываниями и настроениями. Религия в России возвращается как в «публичную», так и в «приватную» сферы, считает исследователь¹⁷.

Несмотря на внешнюю схожесть российской и западной дискуссии на тему присутствия религии в публичном пространстве, природа появления этого дискурса различна. Для отечественного религиоведения наиболее актуальной является аналитика социокультурного контекста, обусловившего специфику публичности религии в условиях транзитивных изменений российского общества.

В **Заключении** резюмируются итоги проведённого исследования, формулируются итоговые выводы в качестве положений, выносимых на защиту.

На основе изученного материала, автор полагает обоснованным свое предположение о том, что наиболее продуктивным для религиоведения является взаимодействие различных исследовательских подходов и трактовок, которые не отменяют, но дополняют друг друга, позволяя выработать объемную систему достоверных представлений об изучаемой предметной области.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях автора (8 публикаций общим объемом 3,1 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, входящих в российские реферативные базы данных.

а) статьи, входящие в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованный Министерством науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. Стрункина, Е. С. О некоторых дискуссионных темах в современных исследованиях религии / Е. С. Стрункина // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. Философия. – № 2 – С. 202–209 (0,5 п.л.).

2. Стрункина, Е. С. Трактовки религии в публичном пространстве современных обществ / Е. С. Стрункина // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. – № 4. – С. 177–184 (0,5 п.л.).

3. Стрункина, Е. С. Концепты «публичного» и «приватного» как инструмент исследования религий / Е. С. Стрункина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17 – № 4 – С. 247–253 (0,5 п.л.).

¹⁷ Кырлежев А. И. Постсекулярное: краткая интерпретация // Логос. – 2011. – № 3 (82). – С. 106.

4. Стрункина, Е. С. Теоретические подходы как инструмент изучения религии / Е. С. Стрункина // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2021. – № 3. – С. 141–151 (0,6 п.л.).

б) другие публикации:

5. Стрункина, Е.С. Концепция «викарной религии» как инструмент исследования современной религиозности / Е. С. Стрункина // XXI Царскосельские чтения «Северо-Запад: экология, история, культура»: материалы междунар. науч. конф. 25–26 апреля 2017 г.: в 3 т. Т. 1. / редкол.: С. Г. Еремеев и др. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 246–250 (0,2 п.л.).

6. Стрункина, Е. С. Концепция «викарной религии» как инструмент исследования государственной религии в публичном пространстве современного общества / Е. С. Стрункина // XXII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. (23–24 апреля 2018). – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. – Т. 1 – С. 121–125 (0,2 п.л.).

7. Стрункина, Е. С. Религия в публичном пространстве в исследованиях по теории глобализации П. Бейера и Р. Робертсона / Е. С. Стрункина // Восьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы. – СПб.: ГУАП, 2020. – С. 181–183 (0,2 п.л.).

8. Стрункина, Е. С. Религия в публичном пространстве в эпоху цифровой постсоциальности. Теоретические подходы / Е. С. Стрункина // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 10–11 декабря, 2020 г.). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2020. – С. 331–336 (0,4 п.л.).